

Оппозиция национальных образов и внешняя политика

Анна Кузнецова

Любому внешнеполитическому решению и действию государства предшествует образная ориентация, то есть сложившиеся в данном обществе представления об окружающем мире, о той или иной стране или народе.

Категория “образ” заимствована исторической и политической наукой из психологии, что предполагает анализ не только буквально реальности, но и анализ восприятия этой реальности.

Вполне приемлемо для историков и политологов, говоря об образе, рассматривать его как особую форму отражения реальности, имеющую непосредственную связь с субъектом, то есть с его неосознанными на рациональном уровне ощущениями описываемого объекта. В идеальном плане образ дает целостную пространственную организацию и временную динамику объекта. Образ является важнейшей составной частью действий субъекта, ориентируя его в конкретной ситуации, направляя на достижение поставленной цели и разворачивая действие субъекта в пространстве и времени. Полнота и качество образа определяют степень совершенства действия.

При действии исходный образ видоизменяется, накапливая в себе опыт практического взаимодействия субъекта со средой. Например, государства с его соседями – другими государствами.

Объем содержания образа безграничен, причем все содержание дано в нем одновременно. Но не всегда образные представления осознаются или осознаются полностью. То есть национальный опыт как одну из составляющих основы принятия решения следует использовать только после критического осмысления. Ибо образ другого народа, государства формируется исторически из опыта общения с

КУЗНЕЦОВА Анна Игоревна закончила Институт международного права и экономики им. Грибоедова (1999 г.); Дипломатическую академию МИД России (2005 г.)

Ключевые слова: архетип, образ, рефлексивный процесс, международные отношения, конфликт цивилизаций.

ними. Но национальный опыт, в целом и в частностях, может быть не адекватен современным отношениям или задачам. В методическом плане, чтобы принять рациональное решение, адекватное реальности, необходимо отразиться, осознать, описать существующий в национальной памяти образ предмета, на который будет направлено действие.

Очевидно, что отношения между народами занимают одно из главных мест в формировании и развитии сознания общества, народа, этноса и являются значимой частью национального опыта и национальной культуры. Понимание же своего “Я” начинается и продолжается через познание “Чужого”, через международные коммуникации.

На ранних этапах развития этноса именно через отношения с другими народами осознается своя самобытность: культурная и политическая оригинальность, а в процессе развития этих отношений формируется непосредственно национальное сознание общества, накапливается опыт и формируется политическая культура. “Отсюда парадоксальность природы “Чужого”, которое находится у истоков первичной структуризации Своего, но в то же время никак не поддается постижением Своим”¹.

Политическая культура, являясь составной частью национальной, во многом является обобщенным выражением психологического и субъективного измерения международных отношений. Причем каждая культура разрабатывает свою концепцию определенной согласованности между политическими действиями государств и тем, что ожидает от них сама нация. В этом смысле культурологическое и психоаналитическое описание политических процессов обнаруживает истоки международных противоречий, основанных не только на интересах, но и на конфликте ценностей.

Следует учитывать, что национальная психология устроена так, что в

истории ищут утешения в лихую годину и символы триумфа (в тех же праздниках), когда есть повод для национальной гордости. А с другой стороны актуализируют образы исторических врагов с целью национальной консолидации и мобилизации. В частности, исследователи отмечают, что в странах Центральной Европы рациональный подход к внешней политике часто нейтрализуется исторической памятью. “Люди, места и даты в качестве моментов коллективной памяти присутствуют в воспоминаниях народов Центральной Европы и символизируют постоянную борьбу этих народов против “варваров” с Востока”².

Так, в венгерских СМИ и публицистике после смены социальной системы и распада соцлагеря синдром русофобии нашел отражение в припоминании (переживании) двух унижительных для венгров событий – венгерской революции 1848–1849 гг., подавленной при помощи российских войск под командованием графа Паскевича, и революции 1956 г., также приведшей к интервенции со стороны СССР.

Общественное сознание отождествляло Россию имперскую с СССР, а сейчас отождествляет и с современной Россией.

Польские исследователи считают, что польское национальное самосознание формировалось в первую очередь в процессе отношений с русским и немецким народами, Россией и Германией³. Причем эти отношения характеризовались конфликтностью, что и запечатлелось в национальной памяти. Память об этом, а главное о той роли России, которую она сыграла (хотя и не без соучастия с другими европейскими державами) в целом ряде разделов Польши, жива в национальном сознании поляков⁴. Соответственно это нахо-

дит свое проявление в польской внешней политике в прошлом и настоящем и в отношениях с постсоветской Россией.

В Восточной Азии национальное сознание народов формируется под влиянием китайской культуры и одновременно в оппозицию Китайской империи, геополитическое господство которой над окружающими народами и странами было абсолютным в этом регионе. Притом, что было культурное заимствование, господство Китайской империи над окружающим миром стимулировало, в конечном итоге, развитие конфликта с соседями по линии геополитический центр – периферия.

По большому счету, национальное сознание любого народа этноцентрично в своем пространственном восприятии мира³. Подобное непосредственное восприятие своего жизненного пространства запечатлено у народов, живших на берегах Средиземного моря и у тех же китайцев, назвавших свою страну Срединной империей.

Термин “этноцентризм” отражает архетипическую суть отношения отдельного народа к другим народам⁵.

Уровни этноцентризма, в понимании французского историка М.Ферро⁶, играют важную роль в жизни страны, причем центробежные и центростремительные тенденции полиэтничного государства можно распределить по нескольким уровням. В данном случае имеем следующую схему:

- взаимоотношения отдельного народа с соседями в рамках этого государства и вне их;

- противопоставление по религиозным и цивилизационным признакам;

- противопоставление по линии “геополитический центр (метрополия) – периферия” (меньшинства, национальные провинции);

- противопоставление в целом своего народа, своей культуры всему остальному миру.

Этноцентризм как форма группового сознания развивал изоляционизм, консервировал замкнутость и низкую психологическую мобильность общества.

Народ, избравший такую стратегию выживания, начинает плохо ориентироваться в мировом эволюционном процессе и с трудом воспринимает не только чужую культуру, но и “Новое” вообще.

Замкнутость и настороженность или враждебное отношение к внешнему миру поддерживались властными структурами для сохранения внутренней стабильности.

Хрестоматийным примером изоляционистской стратегии можно считать островную Японию, которая волей своих верховных правителей была изолирована от внешнего мира. Таким способом власть попыталась абсолютно закрыть страну и общество от влияния внешнего мира как источника возможных внутренних потрясений.

Примерную схему развития японского самосознания можно было наблюдать и в других странах позднее.

Так, нынешний глобализатор – США до Первой мировой войны придерживались изоляционистской политики. В новейшее время политику изоляционизма проводил в Албании режим Ходжи.

В основе изоляционизма и в новое и новейшее время все то же первичное – боязнь “Чужого”.

Следует учитывать, что в архаический период истории отношения между народами имели враждебный и не осознанно дегуманистический характер. Это определялось той борьбой, которая разворачивалась между племенами и народами за природные ресурсы, а также особенностями первобытного восприятия “другого” как враждебного и неравного себе.

В этой связи необходимо кратко остановиться на некоторых базовых параметрах понимания “Чуждости”, на

которые обращают внимание исследователи этой категории⁷.

Эти параметры выстраиваются в соответствии с теорией осознания своего коллективного “Я”. Когда утверждается, что “Я” вторично по отношению к “Другому”. Исторически это происходит в результате контакта с другим народом, с другим языком и культурой.

Другими словами, это, как минимум, выход за пределы своего привычного и знакомого, а максимум – встреча с враждебным народом, государством и враждебным миром. Практически каждый народ прошел через испытание встречи с враждебным чужим, не осознавая, что и он является тем же для другого. В первичном знании Себя нет ничего, что не было бы “Чужим”⁸. Мы, помещая себя в центр окружающего мира, сначала просто изучаем “Чужого”, “подражаем” ему, а только затем, начинаем по-настоящему буквально изучать себя. В этом смысле велико изобретение зеркала, которое и стало инструментом познания “Себя”. Исследователи предупреждают, что не следует заблуждаться относительно наших представлений о “Чужом” – они ни в коем случае не суть простое воспроизведение “Чужого”, но всегда – истолкование его на своем, непременно понятном для нас языке, независимо от того, насколько “свой” и “чужой” языки совместимы⁸.

Непрекращающиеся конфликты и войны между государствами и народами реанимируют архетип этноцентризма-изоляциялизма, который облекается в разнообразные идеологические одежды, чтобы еще раз выстроить оппозицию “Мы – Не мы”. Этнические, религиозные и в целом культурные различия особенно актуализируются, если они погружаются в политическое пространство, становятся частью внут-

ренней и внешней политики. Здесь можно увидеть интересы различных элитных групп, борющихся за власть.

Исследователи отмечают, что образ “Другого” (“Не мы”) задействован в политике национальной интеграции или в политике этнического сепаратизма⁹. Так, вначале католическая романо-германская Европа, желая осмыслить и прочувствовать себя в качестве общности, противопоставляла себя Второму Риму – Византии и православному миру в целом, а затем Османской и Российской империям.

Далее подобная оппозиция “Другому/Чужому” была логично продолжена по отношению к Советской стране, но в более жестком формате. В свою очередь политика актуализации образа “Чужого” особенно рельефно проявилась при распаде Федеративной Югославии.

Изучение “Чужого” – это условие своей безопасности. А начинать изучать себя страшно. В этом плане изучение же чужого есть опосредованное введение в науку о себе. Последняя же начинается с создания своей истории и художественной литературы, изучения собственного языка и национального фольклора, традиций и т.д. Это не только приводит к углубленному изучению своей культуры и истории, но и очень часто к стремлению, как в случае с Японией, доказать, что стране предназначен судьбой особый избранный путь¹⁰.

На примере истории Германии можно было увидеть, как “природный” этноцентризм начинает трансформироваться в мистический национализм, в котором идея избранности немецкой нации стали основой ее государственной идеологии.

Там, где общество находится в замешательстве – в состоянии кризиса идентичности, а индивиды разобщены и атомизированы, но жаждут порядка, там возникает потребность в сакральном вожде. Поражение в Первой миро-

вой войне и послевоенный кризис усилили “стадный инстинкт в немецком обществе, превратив тем самым немецкую нацию в первую среди европейских стран жертву массового движения”¹¹, которое было вызвано сдвигом в глубинах бессознательного. “И здесь архетипическое наследие, коренящееся в коллективном бессознательном”, сыграло свою роль, воспроизведя в одном, претендовавшем на роль “Вождя”, из своих соотечественников мифического героя. Так, языческий Вotan обнаружил себя в образе Фюрера – вождя нации¹¹.

Это была попытка компенсировать чувство неполноценности, слабости после военной катастрофы.

В обычном состоянии воздействие архетипов не столь заметно. Но в условиях кризиса, происходит сужение сознания, возврат к ограниченному первичному ряду ориентиров, сложившихся в архаический период развития народа.

Это можно проиллюстрировать еще и примером Италии, когда разруха, экономический кризис и массовая безработица привели к тому, что итальянская нация замыкается в себе и ищет ответы на существующие вполне реальные проблемы не в практике, а в безвозвратно ушедшем прошлом – Римской империи. Так создаются условия для блокирования прагматического определения целей национальной стратегии в соответствии с реальной международной обстановкой и возможностями государства на данный момент и с учетом среднесрочных перспектив.

Поиски в своем прошлом обоснования мифической избранности своей нации и видеть причину ее невзгод только в “Чужом” не продуктивно. Ибо “представления о внешнем мире относятся к сфере идей и, отражая общественные отношения, в известной мере оторваны от них, обладают определен-

ной автономией и своей спецификой развития и проявления”¹². Другое дело, что преодоление стереотипа отношения к “Чужому” вряд ли возможно полностью в каноничной истории своего отечества, ибо последняя обязана/вынуждена уважать сложившийся национальный миф и принимать исторически сложившееся понимание своего коллективного “Я”, неизбежно находящегося между прошлым и настоящим.

С точки зрения психоаналитического подхода в разработке рациональной стратегии поведения важное значение имеют навыки саморефлексии, то есть анализ представлений об образе собственного “коллективного Я”, сложившегося за определенный исторический период представления о своей стране.

Однако многое из реального опыта общества не вписывается в его существующее образное представление о себе. Устранение расогласования реального и образного происходит в ходе научного анализа, а также практики – общественной дискуссии внешнеполитического действия и т.д. Так увеличивается согласованность внутреннего мира человека и общества, соответствие его “Я-концепции” – согласованность “Я-идеального” и “Я-реального”, то есть реального образа и “идеального” представления человека о себе.

Другими словами, все это означает актуализировать сущность нации. То есть речь идет о ее модернизации. Процесс самоактуализации запускается в связи с определенными сложностями – разладом с реальностью и внешним миром, то есть выхода из состояния равновесия и погружение в кризис идентичности.

Безусловно, отмеченный процесс весьма сложен и неоднозначен по своим результатам.

В этой связи необходимо отметить, что существует еще одно объяснение феномена “этноцентризма”, согласно которому конфликт между народами в сжатом виде отражает внутреннее психологическое состояние общества. В частности – это возникший кризис национальной идентичности и конфликт внутри общества. А общество в целях своего самосохранения, подавляя: внутренний конфликт направляет его агрессивную энергию во вне, то есть – на “Другой” народ.

Например, когда пробуждающая реформа Мэйдзи расколола японское общество, то в поисках консолидирующего начала оно актуализирует образ Китая как исторической угрозы Японии. Соответственно, начинается идеолого-психологическая подготовка к войне со своим западным соседом.

В это время в японских СМИ писали о Китае и китайцах в пренебрежительных тонах и высокомерно. Победа в японо-китайской войне 1894–1895 гг. дала стимул для усиления уже существовавших мессианских настроений в японском обществе, которые затем после победоносной для Японии войны с Россией в 1904–1905 гг. были оформлены во внешнеполитическую доктрину панasiatизма.

Эта доктрина своей сверхцелью ставила освобождение азиатских стран от европейских колонизаторов и объединения всей Азии под началом Японии.

Как известно, выбранный Германией и Японией путь преодоления кризиса идентичности и внутреннего конфликта привел эти страны к катастрофе. Вроде бы это могло стать примером и для других стран, особенно претендующих на “реальную политику”. Но США посчитали, что это не имеет отношения к ним.

Окончание “холодной” войны явно нарушило внутренне равновесие внутри американских политических элит: с

одной стороны, с распадом СССР исчез привычный образ угрозы с Востока, а с другой – наступает эйфория победы. В результате иррациональное начинает усиливать миссионерскую составляющую во внешней политике США, что находит свое проявление в доктрине “глобального лидерства”. Но и глобальная, мировая миссия потребовала и поиска внешней угрозы по всему миру.

Следует отметить, что приобретенный англосаксонский островной архетип американцев, изначально стимулировал у них ожидание угрозы извне.

Как известно, тема внешней угрозы (красные идут, инопланетяне, исламисты, арабские террористы и т.д.) является любимой у американских киносценаристов. Причем события, случившиеся в Нью-Йорке 11 сентября, неоднократно можно было увидеть в том или ином фильме. В этом смысле атака на башни Мирового торгового центра вряд ли были неожиданностью для американцев, внутренне готовых к подобному. А, возможно, оставшиеся не удел после окончания “холодной” войны “ястребы” даже могли получать мазохистское удовлетворение от случившегося – наконец-то появился/вернулся “Враг”.

После этих событий американская внешняя политика возвращается в свое привычное ложе. Одновременно США вдруг поняли, что их статусу мирового гегемона брошен серьезный вызов, и тут уже было не до “лидерства”. Безусловно, образ террориста-мусульманина способствовал росту авторитета государства в глазах американского общества, но он был слишком расплывчат и трудно осязаем. Да и борьба с ним предвещала быть трудной и длительной. Очевидно, поэтому Вашингтон избрал объектом своей политики Ирак, Иран и Северную Корею, назвав эти страны “осью зла”. В отличие от раз-

брошенных по всему миру безликих террористов “государства-изгой” – это конкретный адресный и привычная страна-враг¹³, образ которой всегда можно было выписать зловещими красками.

Если опять вернуться к оппозиции “Мы – Они”, чтобы понять всю иррациональность политического реализма внешней политики США, следует обратиться к саморефлексивным исследованиям самих же американских ученых. Победа американцев над такой сверхдержавой Старого Света, как Великобритания вскружила им голову. Обретенная независимость убеждает победителей в “избранности” американской нации перед самим Богом, на которую Всевышним “возложена священная миссия”¹⁴. По убеждению американцев, освободившись сами, они должны “нести ковчег свобод миру”. Более того, в себе они видели особу “политическую мессию”.

Несколько трансформируя хантингтоновскую формулу “конфликт цивилизаций”, можно утверждать, что в настоящее время наблюдается скорее не некий конфликт всех существующих цивилизаций, а глобальный конфликт естественных цивилизаций народов мира с США как “неестественной” цивилизацией – общества изгоев. Очевидно, простым сдерживанием США и балансом сил названный конфликт не разрешить, поэтому следует придумать иной формат отношений с американским государством. Возможно, посоветовавшись с психотерапевтами и психоаналитиками.

Наконец, существует самое большое “Мы” и самое большое “Они”, то есть оппозиция цивилизаций.

С. Хантингтон, объясняя суть изобретенной им формулы “конфликт цивилизаций”, утверждает, что “цивилизация – это самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет от всех “них”, тех, что во вне”¹⁵.

Конфликт цивилизаций это все та же первичная и естественная защитная реакция на постоянное агрессивное воздействие окружающей среды как таковой на субъект – отдельный народ. При определенных оговорках можно согласиться с таким обобщающим тезисом. Другое дело, что оппозиции “Мы – Они”, имея самую различную географическую, культурологическую и геополитическую конфигурацию, накладываются друг на друга, тем самым, в какой-то степени, нейтрализуя обострение конфликта цивилизаций.

Примечания

- ¹ Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 11.
- ² *Альтерматт У.* Этно-национализм в Европе. М., 2000. С. 295.
- ³ *Аратановский С.Н.* Этноцентризм и “возврат” к этничности: концепция и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. № 3.
- ⁴ *Лях З.* Поляки и их соседи // Этнографическое обозрение. 1992. № 2; *Рыбин Ф.Н.* Польское национальное самосознание в процессе обретения нового политического облика страны. ДА МИД России. Рабочие тетради кафедры Внешней политики и международных отношений. М., 2003. № 4. Апрель. С. 9-10.
- ⁵ *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 197.
- ⁶ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Пер. с франц. М., 1992. С. 10–13, 305–307.

- ⁷ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о “Чужом” // Логос. 1994. № 6.
- ⁸ Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 11.
- ⁹ Ивэр Н. Использование “Другого”: Образы Востока в формировании европейских идентичностей Пер. с англ. яз. М., 2004.
- ¹⁰ Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991. С. 85–102.
- ¹¹ Одайник В. Психология политики. Пер. с англ. М., 1996. С. 102, 98–100.
- ¹² Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай-Япония: любовь и ненависть? М., 1995. С. 4.
- ¹³ Nonah A. Combating Terrorism. Newville, 2002.
- ¹⁴ Шлезингер-мл. А. Циклы американской истории. Пер. с англ. М., 1992. С. 30–31.
- ¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et Contra. 1997. № 2. С. 117.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**